

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№2 (8)
2013

ISSN 2307-2539

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин, А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), С.С. Тур, А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков, Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:
Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Дж. Андерсон (Великобритания), А. Бейсенов (Казахстан), А.А. Бондаренко
(Россия), Ван Вэйлинь (Китай), Е.Г. Дэвлет (Россия), Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия), И.В. Ковтун (Россия), Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия), А.Г. Ситдииков (Россия), Такахама Шу (Япония),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия), Ю Чжиюн (Китай)

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АлтГУ

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211, телефон: 8 (3852) 298-103.
E-mail: tishkin210@mail.ru

©Алтайский государственный университет, Барнаул

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

УДК 903.27

И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия

ЛОДКА И ПЯТНАДЦАТЬ «ПАССАЖИРОВ»

При исследовании местонахождения Долгая-1, расположенного над основным комплексом Новоромановской писаницы, под культурным слоем на откопанной вертикальной плоскости скального массива было обнаружено изображение лодки с размещенными в ней пятнадцатью «пассажирами». Время создания обнаруженного рисунка, по планиграфии и стратиграфии комплекса, определяется сейминско-турбинским периодом, т.е. не позднее XVII–XV вв. до н.э.

Лодка с «пассажирами», выбитая на автономном от Новоромановской писаницы фризе, на ближайшей к реке периферии стоянки Долгая-1 представляется аллегорическим и функциональным мифокалендарным символом. Сочетание ритуального и утилитарного начала в этом образе новоромановской лодки и ее антропоморфных «пассажиров» представляется уникальным свидетельством генерации мифологического представления, основанного на реальных календарных и гидроклиматических закономерностях.

Ключевые слова: Нижнетомский очаг наскального искусства, Новоромановская писаница, стоянка Долгая-1, изображение лодки, археологическая датировка, реконструкция мировоззрения, мифокалендарная символика.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-02

При исследовании местонахождения Долгая-1, расположенного непосредственно над основным комплексом Новоромановской писаницы, под культурным слоем на откопанной вертикальной плоскости скального массива обнаружилось изображение лодки с размещенными в ней пятнадцатью «пассажирами» (табл. 1–3).

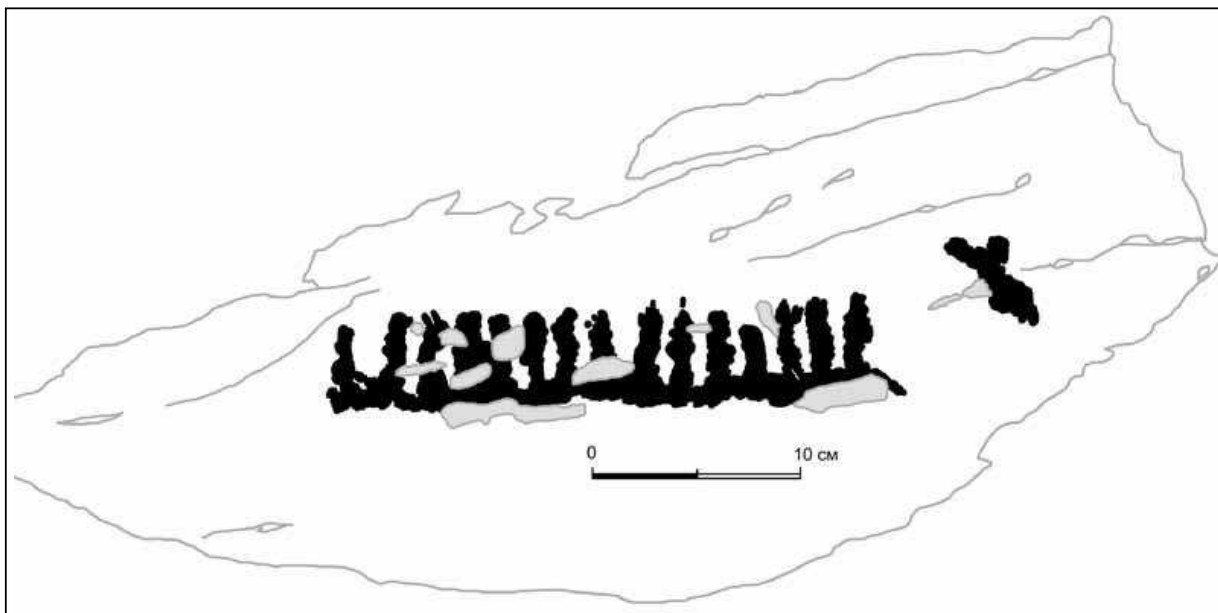

Табл. 1. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (прорисовка)

Особое значение приобретает соотношение этого автономного от писаницы фриза с изображением со стратиграфией и планиграфией разновременных и разнокультурных материалов Долгой-1. Особенности их залегания в слое, стратиграфия, а также хронология по ^{14}C при последовательном рассмотрении позволяют сделать следующие выводы:

Табл. 2. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (микалентная копия)

Табл. 3. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (фото, крупный план)

1. Малочисленные фрагменты развитого неолита (изылинский тип) располагаются стратиграфически не «*in situ*» и хронологическим маркером являться не могут.

Распределение неолитической керамики на площади 20 м² с условным центром, соотносящимся с местонахождением фриза с изображением лодки, диссонирует со стратиграфическим месторасположением более поздних культурных комплексов: поздний неолит–энеолит (кипринско-ирбинско-новокусовский), переходного времени от ранней к развитой бронзе (крохалевская культура), развитой (гребенчато-ямочный комплекс) и поздней бронзы (ирменская культура).

На указанном участке фрагменты неолитической изылинской керамики встречались стратиграфически выше всех перечисленных культурно-хронологических комплексов.

2. На участке 2 м² с условным центром, соотносящимся с местонахождением фриза с изображением лодки, зафиксированы фрагменты:

а) трех сосудов кипринско-ирбинско-новокусовского культурного массива (поздний неолит–энеолит, конец V – начало IV тыс. до н.э.); один из этих сосудов датирован по ¹⁴C 4350–3750 гг. до н.э. или последней третью V – 1-й четвертью IV тыс. до н.э.;

б) одного сосуда игрековского типа (поздний неолит – энеолит, конец V – начало IV тыс. до н.э.);

в) нескольких сосудов крохалевской культуры (конец III – 1-я четверть II тыс. до н.э.);

г) нескольких сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией (развитая бронза);

д) нескольких сосудов ирменской культуры (поздняя бронза).

3. Непосредственно над фризом с изображением, ориентировочно в радиусе не менее 0,5 м, никаких керамических фрагментов не обнаружено (исключение – фрагмент изылинской неолитической керамики, лежавшей в 0,2–0,3 м к западу от фриза, стратиграфически выше фрагментов с гребенчато-ямочной орнаментацией, т.е. не «*in situ*»).

4. Керамика эпохи позднего неолита–энеолита залегала двумя локальными компактными скоплениями, «обтекающими» фриз с южной и северной стороны, стратиграфически почти повторяя профиль рельефа понижающейся скальной поверхности, до 0,15 м над ней. Это отражает процесс археологизации данных материалов, не связанных с областью изображения на фризе, но одновременно своим месторасположением удостоверяющих открытость данной скальной плоскости в период позднего неолита–энеолита.

5. Таким образом, теоретически рисунок лодки мог быть нанесен в эпоху бытования на Долгой-1 кипринско-ирбинско-новокусовского и игрековского комплексов (конец V – начало IV тыс. до н.э.), представляющихся вероятностным *terminus post quem* этого наскального изображения.

6. Покрытие фриза культурным слоем и его задерновка, археологически удостоверяется комплексом гребенчато-ямочной керамики, распространяющейся адекватно общему уклону скальной поверхности, равномерно и без провалов, включая область «ступеньки», образованной фризом с изображением. Западнее фриза, крохалевский и гребенчато-ямочный комплексы имеют адекватное стратиграфическое соотношение, при котором ложнотекстильная крохалевская керамика предшествует гребенчато-ямочной, залегая ниже нее.

7. В области, примыкающей к фризу, фрагменты с гребенчато-ямочной и ложнотекстильной орнаментацией зафиксированы уже на одном уровне, а восточнее фриза – с изображением лодки, один крохалевский фрагмент обнаружен даже стратиграфически выше. Такое распределение не позволяет считать крохалевский комплекс памятника

объективным репером *terminus anti quiet* перекрытия изображения лодки, данным общим слоем. Поэтому, учитывая случаи перекрывания крохалевской керамики гребенчато-ямочной и связь процесса задержки фриза с последней, вероятная верхняя дата изображения синхронна ложнотекстильному крохалевскому комплексу. Он предшествует в целом гребенчато-ямочной керамике, с отложением которой совпадает образование на месте фриза древней поверхности, скрывающей выход этой скальной плоскости.

Все это полностью исключает возможность создания данного изображения позднее середины II тыс. до н.э., а скорее всего, позднее XVII в. до н.э. Такая датировка обусловлена датой по ^{14}C нагара на крохалевском сосуде с Долгой-1 – 2200–1600 гг. до н.э. (2 Σ – 95,4%) или 2030–1750 гг. до н.э. (1 Σ – 68,2%).

Полагаем, что с этим же сейминско-турбинским периодом, представленным в кузнецком Нижнем Притомье крохалевскими древностями, связано и создание рассматриваемого изображения на скальном фризе Долгой-1. Такая датировка удостоверяется реконструируемой причастностью данного изображения к расположенному в 4 м к запад-северо-западу от фриза с изображением каменному ящику-кенотафу. Ящик впущен в культурный слой и «прорезает» все горизонты до ирбинского. Поэтому нижняя дата его создания близка крохалевскому периоду, поскольку плиты устанавливались («втыкались») в древнюю поверхность и не вкапывались глубоко ввиду своей незначительной величины.

Как уже отмечалось, экспонированная строго на восток «лицевая» стенка ящика нарушает прямоугольность его конструкции, ориентированной длинной осью с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Также на восток экспонирован и найденный под слоем фриз с изображением лодки (табл. 4). Этим удостоверяется значимость общего ориентира рисунка и восточной стенки символического захоронения на восход солнца, что позволяет предполагать их хронологическую синхронность.

Табл. 4. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (фото с востока, ориентация плоскости)

Лодка с «пассажирами», выбитая на автономном от Новоромановской писанице фризе, связанным с ближайшей к реке периферией стоянки Долгая-1, представляется аллегорическим, но функциональным мифокалендарным символом. Характер транспортного средства указывает на водный символизм, а число «перевозимых» им антропоморфных фигур – на количественные признаки объекта с подобной символизацией – Луну. Примечательны, казалось бы, далекие от Нижнего Притомья вавилонско/ведийские параллели, отразившиеся и в сибирском шаманизме (см. выше). Вавилонский Бог Луны Син правил водами и уподоблялся лодке: «Когда ты плывешь, как лодка, по водам... чистая река Ефрат наполняется водой до краев...» [Элиаде, 1999, с. 158]. В Ригведе луна также описывается как объект, движущийся по водной стихии:

Месяц в глубине вод:

Прекраснокрылый мчится по небу.

[Ригведа, I. 105. 1]

Пятнадцать – это число дней середины лунного, синодического месяца, составляющего около 29,5 суток. Но поскольку во время новолуния Луна не видна около 1,5 суток, продолжительность ее видимости составляет 28 суток или четыре недели, соответствующие первой четверти, полнолунию, последней четверти и новолунию [Селешников, 1970, с. 166; Климишин, 1985, с. 34, 40]. Например, у кетов считалось, что «...родившийся месяц начинал свой путь низко над землей и каждый вечер поднимался все выше. За первые семь дней он достигал второго круга (мыса) неба, а на *четырнадцатый оказывался на месте своего жительства* – четвертом круге... На втором круге он выглядел уже в виде полукруга, а четвертого достигал круглым. *Пятнадцатый день, считалось, месяц проводил у себя дома*, отдыхал (на земле в этот день должно наступить потепление), а затем начинал обратный спуск, постепенно убавляясь. На двадцать восьмой день он становился почти невидимым... В вариантах пребывания месяца у невесток объяснили три темные ночи в конце месяца» [Алексеев, 1976, с. 83].

Итак, число «пассажиров» лодки с фриза Долгой-1 могло означать середину лунного месяца, т.е. полнолуние. Полнолунию у многих индоевропейских и неиндоевропейских народов придавалось особое значение. Ночь полнолуния у ведийских ариев именовалась «первой достойной жертв» как наиболее благоприятная для такого ритуала:

Полная сзади, а также полная спереди,

(Полная) со середины победила ночь полнолуния.

Живя в ней вместе с богами, с величием,

Пусть наслаждаемся мы подкреплением на спине неба!

Мощному быку полнолуния

Мы приносим жертвы.

Пусть он даст нам непреходящее,

Неисчерпаемое богатство!

...

Ночь полнолуния была первой достойной жертв

Из дней и ночей во время (обрядов), что длиннее ночи.

Кто тебя услаждает жертвами, о достойная жертв,

Те творцы благих деяний отправились на твой небосвод.

[Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 1, 2, 4]

У манси, в культуре которых установлены заимствованные собственно индоарийские архаизмы [Ковтун, 2013, с. 59 и др.], жертвенные покрывала – ялпын, с изображением Мир-сусне-хума (реже его матери Калтащ-эквы или Калтась-ими у хантов, а также «невесты»), одновременно олицетворявшем «седло бога» и его «коня», начинали делать «когда полмесяца», а заканчивали – «когда полная луна» [Гемуев, 1990, с. 35–37]. По записям В.Н. Чернецова о представлениях манси: «В подземном мире луна бывает лишь вполнолуние, полнолуния там не бывает» [Источники..., 1987, с. 152]. Иначе говоря, полнолунием олицетворялся апогей жизненного цикла, которого в потустороннем мире быть не может. Связь растущей луны с плодородием зафиксирована в представлениях и индоевропейских, и неиндоевропейских народов [Элиаде, 1999, с. 162–163].

Еще одна поздневедийская параллель ассоциирует полнолуние не только с «пассажирами» – пятнадцатью днями до середины лунного месяца, но и с самой лодкой, шестнадцатым объектом – неизменной лунной субстанцией, обуславливающей возникновение жизненного начала: «Этот Праджапати – год, [он состоит] из шестнадцати частей. Его ночи – пятнадцать частей, неизменна его шестнадцатая часть. Благодаря ночам он и растет, и уменьшается. В ночь полнолуния он проникает этой шестнадцатой частью во все, что одушевлено, и рождается на следующее утро...»

«Праджапати из шестнадцати частей. Его имущество – пятнадцать частей, Атман – его шестнадцатая часть. Благодаря имуществу он растет и уменьшается. Этот Атман – ступица колеса – имущество – обод колеса» [Брихадараньяка Упанишада, I. 5. 14, 15].

По мнению А.Я. Сыркина [1992, с. 174], «Праджапати ассоциируется здесь с лунной, которую древнеиндийская традиция также делила на 16 частей. Возрастание и уменьшение его соответственно связано с ростом и убыванием диска луны в течение двух половин лунного месяца – единицы древнеиндийского времясчисления». М. Элиаде [1999, с. 174] видит в этом следы собственно индийской восьмиричной системы.

Вышеприведенные ведийские параллели, предположительно, могут восходить к мировоззренческим архаизмам, олицетворяемым рисунком лодки с пятнадцатью антропоморфными персонажами. Но у мифологического представления о луне, полнолунии и лунных циклах, воплощенных в этом изображении, по нашему мнению, относящемуся к финалу III – 1-й трети II тыс. до н.э., могла быть и утилитарная подоплека.

Циклические колебания стока рек Северной Азии имеют различную временную продолжительность. При этом одну группу западно- и восточносибирских рек характеризует длительность цикла, кратного числу плывущих в лодке персонажей: «Основными чертами внутризональных колебаний стока рек профиля 4 является четко выраженная смена фаз на западе и востоке. Если, вообще говоря, в первой половине 30-летнего периода на реках западной части этого профиля (Исеть, Омь, Кия) наблюдалась маловодная фаза, а во второй половине – многоводная, то на реках восточной части (Бирюса, Илим, Витим), наоборот» [Кузин, 1970, с. 64].

Согласно другому сравнительно-корреляционному исследованию, стоку южносибирских рек свойственны в основном 10–12 и 14–15-летние цикличности. И именно для Томи, а равно для Тубы, Енисея (кроме района Базаихи), Подкаменной Тунгуски, Витима и левобережных притоков Ангары характерны 14–15-летние циклы [Синюкович, 1999, с. 95].

Это означает максимум половодья на 14–15-й год цикла, при котором вода в Томи во время весеннего паводка полностью затапливала плоскости Новоромановской пи-

саницы, достигая крайней периферии Долгой-1 и доходя почти до уровня площадки с фризом с изображением лодки и ее «пассажиров». Именно такая ситуация зафиксирована здесь 9 мая 2013 г. (табл. 5), впервые за время спорадических наблюдений над разливом вешних вод в этих местах с 1990 до 2004 г. и с периодическим отслеживанием уровня половодий Томи с 2005 г. до настоящего времени.

Табл. 5. Максимум половодья в мае 2013 г. на Новоромановской писанице, отмеченный следами прибойной волны на отвале с «мягкой» землей на уровне расположения фриза с рисунком

Этим удостоверяется функциональность древнего изображения, нанесенного на скальной плоскости, расположенной на границе уровня максимального разлива весеннего половодья каждый 14–15-й год 30-летнего цикла. Именно такая амплитудная величина совпадает с числом антропоморфных субъектов в лодке, одновременно соответствуя и числу дней середины лунного месяца, на которую приходится период полнолуния. Учитывая широкий круг представлений о влиянии луны и полнолуния, как максимальной циклической фазы, на небесные и земные воды [Элиаде, 1999, с. 158–160 и др.], отмеченное схождение представляется не случайным. Смысловая симметрия между наступающим на пятнадцатый лунный день полнолунием и максимально высоким уровнем паводка р. Томи, приходящимся на 14–15-е годы цикла, соотносится как тридцать дней (29,5 суток) лунного месяца и 30 лет циклического периода колебания речного стока.

Сочетание ритуального и утилитарного начала в этом образе новоромановской лодки и ее антропоморфных «пассажиров» представляется уникальным свидетельством генерации мифологического представления, основанного на реальных календарных и гидроклиматических закономерностях.

Небезынтересно, что ведийский год богов – это тоже тридцатилетний период, но уже в жизни человека, приносящего две жертвы: в новолуние и полнолуние. За первые пятнадцать лет он получает триста шестьдесят ночей, а за следующие пятнадцать – еще и триста шестьдесят дней ($2 \times 12 \times 15 = 360$) (см. по: [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 2. 10, 11, 12]).

Библиографический список

- Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 262 с.
- Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер., введ., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2005. Т. I, кн. I–VII. 573 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы. I–IV. Приложения. М.: Наука, 1989. С. 544–757.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Климишин И.А. Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1985. 320 с.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Кузин П.С. Циклические колебания стока рек Северного полушария. Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1970. 179 с.
- Селешников С.И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970. 224 с.
- Синюкович В.Н. Характер и природа синхронных колебаний стока рек юга Сибири // География и природные ресурсы. 1999. № 3. С. 91–97.
- Сыркин А.Я. Комментарии // Упанишады: в 3-х кн. Кн. 1: Брихадараньяка Упанишада. М.: Наука; Ладомир, 1992. С. 161–226.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- Упанишады: в 3-х кн. Кн. 1: Брихадараньяка Упанишада. М.: Наука; Ладомир, 1992. 239 с.
- The Satapatha-Brahmana. According to the text of the Mādhyandina school. Translated by Julius Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV // The sacred books of the east. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford: At the clarendon press, 1900. Vol. XLIV. 596 + 8 p.

I.V. Kovtun, A.G. Marochkin

A BOAT AND FIFTEEN «PASSENGERS»

The representation of a boat with fifteen «passengers» occupying its seats was found under the occupation layer, on the excavated elevation of the rock mass while examining the site Dolgaya 1 located over the main complex of the Novoromanovo petroglyph site (*pisanitsa*). According to the planigraphy and stratigraphy of the complex this petroglyph dates to the Seyma-Turbino period, i.e. not later than the 17th–15th centuries BC.

The boat was beaten on a frieze separated from the Novoromanovo pisanitsa, on the periphery of the site Dolgaya 1 located in close proximity to the river. This representation serves as an allegoric and functional myphocalendrical symbol. The combination of ritual and utilitarian origin which is characteristic of the representation of the Novoromanovo boat with its anthropo-amorphous «passengers» is considered to be a unique evidence of the generation of mythological interpretation based on real calendar and hydro-climatic patterns.

Keywords: Nizhnetomsk area of rock art, Novoromanovo pisanitsa, site Dolgaya 1, boat representation, archaeological dating, changes of world outlook, myphocalendrical symbolic.